

СПОСОБЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДОПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ СРЕДЫ И ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Т.Н. Жуковская*, Е.А. Калинина**

Университетский человек в неуниверситетском городе: особенности адаптации учителей-универсантов на Русском Севере в первой половине XIX века

Статья представляет профессиональные и жизненные траектории выпускников Санкт-Петербургского университета первой половины XIX в. в учительской службе, которая для 88 из них протекала в губерниях Русского Севера: Архангельской, Вологодской и Олонецкой. Многие из них, оказавшиеся здесь в статусе учителей губернских гимназий и уездных училищ, с одной стороны, сохранили связи с Петербургом и университетом, а, с другой, развернули в провинциальных городах разнообразную педагогическую, краеведческую, административную, литературную деятельность. Их профессиональный статус, социальный облик, а также особенности школьной повседневности периода становления системы образовательных учреждений в рамках Российской империи, - нуждаются в дополнительном изучении.

The article presents the professional and life trajectories of graduates of St. Petersburg University in the first half of the nineteenth century in the teacher service, which is for 88 from them flowed into the provinces of the Russian North: Arkhangelsk, Vologda and Olonets. Many of them who found themselves in the status of teachers of provincial gymnasiums and district schools, on the one hand, maintained contacts with St. Petersburg and the university, and, on the other, developed a variety of pedagogical, local history, administrative, literary activities in provincial cities. Their professional status, social appearance, as well as the features of the school everyday life of the period of formation of the system of educational institutions within the framework of the Russian Empire, need additional study.

Ключевые слова. Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербургский учебный округ, учительство, повседневная жизнь провинциального города.

Keywords: St. Petersburg University, St. Petersburg school district, teaching, daily life of a provincial city of students and professors.

Современные исследования по истории образования далеко не часто объединяют изучение высшей школы и подчиненных ей уровней школы начальной и средней. В дореформенной России эти ступени образования были неразрывны, поскольку университеты стояли в центре управления учебными округами, а отчетность по гимназиям и уездным училищам включалась в ежегодный отчет, составленный и подписанный ректором университета.

---

*Жуковская, Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

** Калинина Елена Александровна доктор исторических наук, независимый исследователь;

Несмотря на то, что в это время университеты были «разбросаны как оазисы в пустыне», они успешно курировали всю сеть подведомственных им средних и начальных училищ, распространяли учебные пособия, изданные университетской типографией, ревизовали училища всех уровней, включая начальные и частные пансионы, распределяли своих выпускников по отдаленным губерниям, аккумулировали отчетность, упорядочивали архивы учебных заведений и пр. Обязанности университета по управлению учебным округом были законодательно ликвидированы уставом 1835 г., но это не означало разрыва множественных научно-методических, профессиональных и социальных связей между университетом, его выпускниками, покинувшими столицу, и сетью школ, где они преподавали.

Важно представить разнонаправленную деятельность и социально-культурную миссию той национальной модели университета, которая сложилась во время Александра I и Николая I, на примере Санкт-Петербургского университета, курировавшего училища губерний столичного учебного округа. На документальных материалах, извлеченных из фондов трех губернских училищных дирекций, мы имеем возможность реконструировать не только административные и социальные связи университета и его питомцев, направленных в отдаленные губернии на должности учителей губернских гимназий или уездных училищ в 1800–1850-х гг., но и проследить их жизненные траектории и карьеры. Исчерпывающий материал для этого представляют архивы училищных дирекций Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний, входивших в состав столичного учебного округа, а также обширный комплекс архивных материалов из фондов министерства народного просвещения, канцелярии попечителя столичного учебного округа, документы университетского делопроизводства, провинциальная и ведомственная периодика и мемуаристика.

Императорский Санкт-Петербургский университет как и его предшественник, Петербургский Педагогический институт (1804–1819) в рассматриваемое время стал основным центром подготовки учительских кадров не только для училищ столичного округа, но и для учебных заведений других округов [3; 4]. По окончании обучения производилось распределение студентов по подписке на вакансии учителей в гимназии и уездные училища. Казенным студентам (а в Петербургском педагогическом институте и в Петербургском университете до начала 1830-х гг. их было абсолютное большинство) необходимо было прослужить шесть лет по министерству народного просвещения на учительских должностях. Для «поповичей в миру» [6], вышедших из духовной среды, университетское образование становилось мощным социальным лифтом, а учительская карьера, которую они начинали в чине XIV (учителями) или даже XII класса (старшими учителями гимназии) по Табели о рангах, воспринималась как альтернатива духовному служению, поскольку давала возможность успешной выслуги и получения потомственного дворянства в конце службы. Примером жизненного успеха служит карьера выпускника С.-Петербургского Педагогического института, "поповича" М.И. Троицкого, который за 35 лет службы прошел путь от старшего учителя гимназии до директора Олонецких народных училищ и закончил службу в

1840 г. в чине действительного статского советника (IV класс по Табели о рангах). Л.С. Левицкий после службы в Архангельской гимназии был назначен директором народных училищ в Калужской губернии, а в 1840 г. Архангельскую и Вологодскую дирекции возглавили соответственно И.А. Никольский и А.В. Башинский.

При этом универсанты-«поповичи» воспроизводили поведенческие стереотипы и ментальность духовного сословия. Не случайно преподавание воспринималось многими из них как миссия и их неутомимая деятельность была сродни подвижничеству. Отслужив обязательный срок, они не оставляли учительских мест, служа до пенсии, а многие пожизненно. Профессиональная реализация их на "ниве просвещения" могла быть разной. Одни сделали административную карьеру, заняв должности руководителей образования (директоров гимназий, крупных чиновников в ведомстве МНП), другие создали учительские династии в губернских городах, как результат соединения традиционных семейных стратегий и высоких интеллектуальных и духовных запросов (такими стали педагогические династии Копосовых, Фортунатовых, Иваницких, сложившиеся в Олонецкой губернии). Третьи помимо основной сферы деятельности занимались изданием учебников, журналистикой, благотворительностью, наукой, краеведением. Успешно сложились в губернских городах карьеры выпускников Педагогического института и столичного университета: И.А. Никольского, А.В. Башинского, Л.С. Левицкого, П.М. Копосова и многих других.

На обширном документальном материале есть возможность реконструировать условия учительской службы, развитие методик преподавания, круг профессиональных и общественных связей провинциальных педагогов, а также их повседневную жизнь и настроения. Деловая репутация и высокий социальный статус образованного человека и перспективного чиновника в губернских и уездных центрах быстро вводили универсантов-педагогов в круг местной элиты. Учителя выгодно женились на дворянках, обзаводились городской недвижимостью, расширяли круг знакомств и связей, вовлекались в административную, благотворительную, литературную деятельность и общественное самоуправление. При этом многие из них не потеряли контактов с Петербургом и университетом, возвращались туда для защиты диссертации, или добивались более престижной вакансии в столичном учебном заведении.

В то же время тяжелые условия службы, неустроенность быта, суровый климат, интеллектуальная изоляция оказывали подавляющее влияние на настроение и ограничивали амбиции многих из выпускников университета.

Начало их службы протекало в местах и зданиях, не соответствующих самым скромным требованиям удобств. В отчетах визитаторов и директоров народных училищ часто отмечалась крайняя теснота помещений, недостаток учебных пособий, скудость училищных библиотек. Директор Архангельской гимназии сообщал попечителю округа в 1811 г., что в здании гимназии «потолки и полы в самом худом положении и требуют неминуемой перестройки» [8. Л. 5]. В 1802 г. здание училищного дома в Петрозаводске сильно пострадало от пожара, проводить

занятия здесь было невозможно. Городская управа и Олонецкий губернский приказ общественного призрения не нашли денег на его ремонт поэтому Главное народное училище, до его преобразования в гимназию в 1811 г. размещалось в арендованном помещении в ветхом доме титулярной советницы А. Петровой. Зимой обучение иногда не велось «по причине крайнего холода», когда «как учителя, так и дети оставались без всякого дела и упражнения». Так писал в 1804 г. в донесении попечителю учебного округа директор народных училищ Олонецкой губернии А.Е. Крылов [9. Л. 1]. Дом Новгородской гимназии, «находившейся на краю города, на берегу Волхова, представлял жалкую развалину и в каждую весну был затопляем разливом» [7, с. 13].

Мемуаристы из числа бывших воспитанников отмечали, что гимназии края «вообще были из рук вон плохи. ... Везде грязь, в окнах разбитые стекла, так, что в зимнее время и ученики и учителя сидели в шубах или тулупах» [1, с. 43]. В библиотеке Олонецкой гимназии до 1811 г. имелся только журнал «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» и почти никаких пособий. Архангельское Главное народное училище располагало из учебных пособий лишь «шаром и цилиндром Архимеда, инструкцией директору и ректору Казанского университета и одним экземпляром «Устава учебных заведений, подведомых университетам» [2. Л. 798]. Оснащение учебных заведений необходимыми физическими и химическими приборами, историческими картами, географическими атласами, глобусами, чертежными инструментами, материалами для уроков рисования и естественной истории происходило медленно. Только к середине XIX в. губернские гимназии получили достаточное количество необходимых технических устройств, учебников и наглядных пособий.

К трудностям преподавания добавлялась неустроенность быта самих педагогов. Чаще всего квартиры молодым учителям отводились прямо в училищных зданиях. Иногда их селили в наемные квартиры за небольшую плату. Обычно это были комнаты в домах городских жителей. Директор Олонецкой дирекции А.Е. Крылов сообщал попечителю округа Н.Н. Новосильцеву в 1804 г., что учителя «помещаются сами в чердаках, весьма тесных и холодных, подверженных зимой угару, которые состоят из двух покоев, даже и кухни не имеют». Тяготила приехавших из столицы и неожиданная дороговизна жизни на Севере. «Край пустой и все ужасно дорого, и такие квартиры можно дешевле нанять в Санкт-Петербурге», – писал один из них.

Привыкнуть к этой обстановке было трудно, многие из учителей искали утешения в алкоголе и профессионально деградировали, о чем свидетельствуют отчеты училищных дирекций и уездных смотрителей [5, с. 609–620]. Учитель Главного народного училища в Петрозаводске П.А. Лопатинский, увольняясь от должности после 6-летней службы в 1808 г., в отчаянии писал: «Путь, который предпоказан учителям к приобретению высших университетских званий, для меня кажется неприступным. В продолжение более нежели пяти лет не имел я, так как и теперь, ни частных, ни училищных пособий к усовершенствованию своих знаний. Сверх того, напрасное ожидание любых выгод, назначенных учителям гимназии» [10. Л. 4].

Не случайно статистика фиксирует большое количество болезней и смертей в сравнительно молодом возрасте среди учителей, карьера которых на Русском Севере не сложилась. Карьерный успех и мера профессиональной самореализации универсантов-педагогов, оказавшихся в провинции, в конечном счете зависели от благоприятного сочетания множества факторов, включая характер, интеллектуальные запросы и социальные связи.

Список литературы

1. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Томск. Т. 1. 1919. 435 с.
2. Государственный архив Архангельской области. Ф. 61. Оп. 1. Д. 140.
3. Жуковская Т.Н. Казакова К.С. *Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века*. М.: Издательство «Новый хронограф», 2018. 576 с.
4. Жуковская Т.Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // Клио. Журнал для ученых. № 10 (82). 2013. С. 15-25
5. Калинина Е.А. Система народного просвещения на Европейском севере России в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2017. 714 с.
6. Лори Манчестер. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: НЛЮ, 2015.
7. Отто Н.К. Материалы для истории учебных заведений. История Новгородской дирекции до 1828 г. СПб., 1865. 134 с.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 20. Д. 95.
9. Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Д. 89.
10. Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2163.

С. И. Подольский*

Хлеб, война, катастрофа: новации в изучении хлебной монополии эпохи революции и военного коммунизма

В статье впервые предпринята попытка кратко изложить концепцию профессора А.Ю. Давыдова на вопрос хлебной монополии, изучив его труды об эпохе революции и Гражданской войне.

In the article for the first time an attempt was made to briefly present the concept of Professor A. Yu. Davydov on the question of the grain monopoly, having studied his works on the era of revolution and the Civil War.

Ключевые слова: хлебная монополия, кооператоры, продовольственная диктатура, комбеды, мешочники.

Key words: bread monopoly, co-operators, food dictatorship, combs, bagmen.

---

* **Подольский Сергей Игоревич**, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории, Санкт-Петербургский горный университет